

Елена
РУСАНОВА

Срачъме
НА ХУТОРЕ

Елена Русанова

Счастье на хуторе

<https://litres.ru/74068911>

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим бежит от разбитого сердца в деревню к бабушке. Но вместо тишины и покоя его встречает гусь — местный диктатор в перьях, который решает, что городской должен отработать своё право на счастье. Дрова, пироги, иван-чай и хуторянка — вот рецепт, который перевернёт жизнь Макса с ног на голову.

Содержание

Глава 1. Тот, кто боялся гусей	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Счастье на хуторе

Глава 1. Тот, кто боялся гусей

Понимание того, что я достиг дна своего личного кризиса, наступило когда утренний кофе показался мне не горьким, а совершенно одиноким. Чайная ложка звякнула о край чашки с таким отчаянным металлическим звоном, будто хотела вырваться из этой жизни на свободу. Сосед за стеной, услышавший этот звон, тут же постучал по батарее три раза — мол, не ной, всех нас здесь бросили.

Поставил недопитую чашку на стол, сел на пол посреди кухни и уставился в окно. Москва за окном шумела шинами и сигналила дуракам, которые не успели на зелёный. Где-то там, в этой суете, осталась Алина. Точнее, не осталась, а ушла. Ушла к Паше-блогеру, который снимал видео о пользе сыроедения и каждое утро делал стойку на руках в парке «Сокольники». Мы же виделись с этим Пашей всего один раз — на дне рождения общей знакомой. Паша был похож на одуванчик: пушистый, жизнерадостный и абсолютно пустой внутри. Но Алине почему-то захотелось именно пустоты, или одуванчиков. Либо просто не захотелось быть со мной, моей ипотекой, планами на повышение и привычкой мыть посуду сразу после еды.

- Всё, - сказал своему телефону, который молчал уже чет-

вёртый день и, казалось, делал это с каким-то злорадством.
- Поеду к бабушке.

Телефон не возражал.

Бабушка Нина Павловна в этот момент находилась за пять тысяч километров от меня — в турецком отеле «Rüya», где двадцатидвухлетний фитнес-тренер по имени Джан учил её правильно дышать животом на закате. Джан был широк в плечах, узок в бёдрах и имел привычку каждую фразу начинать со слова «барабек». Бабушка рассказывала об этом в голосовых сообщениях с таким восторгом, что я даже всерьёз начал бояться за её сбережения.

Узнав о моих планах, она прислала голосовое сообщение длиной ровно в две минуты и семь секунд. Мне пришлось переслушать его четыре раза, потому что половина слов тонула в шуме прибоя и женских криках «Алла, иди сюда, тут медуза!».

Краткое содержание сообщения, расшифрованное мной с трёх попыток, выглядело следующим образом.

«Ключи под горшком с геранью, но не перепутай с горшком, где щавель. В холодильнике пироги, не вздумай их есть сразу, разогревай. Гуся корми два раза в день — утром творог, вечером кашу, он любит, когда с ним разговаривают, так что не молчи, а то обидится. Самогон в погребе не трогай, это для дяди Вити, у него нервы с того раза, когда он председателем был. И ради всего святого, Максим, не ходи на хутор к Ксюхе. У неё руки как клещи, а голос такой, что

коровы сами дойти начинают. И девка она хорошая, но сложная, и Слава этот вокруг неё ходит как коршун, а тебе чужие проблемы ни к чему. Всё, Джан зовёт на аквааэробику. Целую, жди посылку с магнитами».

Прикрыл глаза и представил себя в деревенской тишине. никаких уведомлений, созвонов, никакого Паши-одуванчика. Только я, печка, скрип половиц и старый гусь, которого, судя по интонациям бабушки, нужно бояться больше, чем просроченной ипотеки.

Дорога до Гнилых Кочек заняла шесть часов маршруткой, которая на поверку оказалась «Газелью» 2007 года выпуска с водителем дядей Мишей — человеком, который не выключал шансон и имел привычку комментировать каждую кочку вслух.

- А вот это, - говорил дядя Миша, подпрыгивая на очередном ухабе, - места наши родовые. Тут каждая яма историей пахнет. Вон там, в овраге, председатель колхоза «Красный луч» утопил «Волгу» в девяносто первом. Сказал, что искал нефть. Нефть он так и не нашёл, а «Волгу» не вытащили до сих пор. Лежит, ржавеет, как память о светлом будущем.

Пассажиры — две бабки с вёдрами, один молчаливый мужик в телогрейке и девушка с ребёнком — не реагировали. Они, видимо, слышали этот монолог не в первый раз. Я же вежливо улыбался и старался не думать о том, сколько бактерий живёт на подголовнике переднего сиденья.

- Ты к кому, городской? - спросил дядя Миша, поглядывая

в зеркало.

- К бабушке. К Нине Павловне.

- О, - дядя Миша зауважал. - К Нине. А она, говорят, в Турции себе принца нашла. Ты смотри, не привёз бы он ей там вместо любви кредит на йогурты. А ты, значит, за хозяйством. Главное — гусей не дразни. Они тут у нас с местными бандами в сговоре. Особенно белый, которого Нина Петром называет. Этот и мента укусит, не задумается.

Сначала решил, что дядя Миша шутит. Но шутка была слишком конкретной, чтобы быть полностью ложной.

Деревня Гнилые Кочки встретила меня запахом мокрой крапивы, прелого сена и далёким лаем собаки, которая, судя по голосу, обиделась на жизнь ещё в девяностом году и с тех пор никому не простила. Дом бабушки стоял на окраине, притулившись между берёзой такой толщины, что она явно помнила войну, и сараем, который помнил что-то ещё более древнее — возможно, приезд первого трактора или приход советской власти.

Я вылез из «Газели», размял затёкшую спину и огляделся. Улица называлась Заречной, хотя никакой реки поблизости не наблюдалось — только ручей, который летом пересыхал, а весной разливался так, что мужики ловили в нём карасей прямо в сапогах. Дома стояли с промежутками в сотню метров, и между ними зеленели огороды с луком, картошкой и бесконечными кустами смородины.

Калитка скрипнула так жалобно, что на мгновение почув-

ствовал себя героем фильма ужасов, который зашёл не в ту дверь. Двор был завален всякой нужной и не очень утварью: велосипед без колеса, который помнил ещё девяностые, бочка для дождя, полная зелёной воды, и стопка дров, сложенная с такой геометрической точностью, что я сразу узнал бабушкину руку. Она всегда говорила: «Дрова должны стоять, как солдаты на параде. А то, на что это похоже — бардак какой-то».

Замок на двери поддался не с первого раза. Сначала пнул дверь ногой, пнул ещё раз, потом вспомнил, что бабушка всегда нажимала на дверь плечом слева от ручки. Я применил плечо — и дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену.

Внутри пахло пирогами. Не просто едой — пахло детством, субботой, запахом сдобного теста и ванилина, который бабушка добавляла во всё, кроме борща. На столе лежала записка под кружкой: «Пироги в морозилке, разогревай в духовке, а не в микроволновке, у меня её нет, и слава богу, она убивает все витамины. Ешь с молоком. Молоко в погребке, слева от банок с огурцами».

И ещё чем-то пахло в доме. Живым, настороженным, чужим. Я предусмотрительно обернулся.

Гусь сидел на бабушкиной кровати.

Белый, крупный, с клювом цвета старого апельсина. Он лежал на подушке, поджав под себя лапы, и смотрел на меня взглядом человека, который пересмотрел все сезоны «Сва-

тов», «Кухню» и первый сезон «Слова пацана» и теперь ничему не удивляется. На его шее болталась тряпочная ленточка с бубенчиком. Бубенчик молчал, но это молчание было угрожающим.

- Ты кто? - спросил я голосом, который должен был звучать уверенно, а прозвучал так, будто его спросили билет в метро.

Гусь медленно повернул голову. Очень медленно. Так, будто хотел показать, что время на его стороне и он никуда не торопится. Потом он вытянул шею и чихнул. Прямо на бабушкину подушку.

- Это дом, - сказал ему, переходя на зачем-то официальный тон. - Здесь живу я. Хотя и временно. А ты, если хочешь, можешь остаться в сарае. Там, кстати, есть солома. Это очень удобно. Для гусей.

Пернатый отвернулся и демонстративно клюнул подушку. Раз, другой, третий. Пух полетел в разные стороны.

- Фу, - сказал Макс слабо.

Гусь не зафукал. Он продолжил терроризировать подушку, а потом вдруг остановился и посмотрел на меня с выражением: «Это только начало, дружок».

Первый день в деревне прошёл под знаком тотального бытового краха.

Я начал с холодильника. Открыл его, ожидая увидеть стандартный набор продуктов, и обнаружил там войну и мир. Три банки брусничного варенья, датированные про-

шлым годом. Свёрток, который на поверку оказался салом 2018 года выпуска — бабушка обернула его в пергамент и подписала: «На всякий случай, если придёт конец света, это единственное, что не портится». Полкило гречки в полиэтиленовом пакете. И загадочную стеклянную банку с надписью «Смородина. Не открывать до зимы».

Записка на дверце холодильника гласила: «Пётр ест творог, кашу, хлеб, огурцы (только свежие, солёные не любит, потому что от них пучит). Не давай ему чипсы — толстеет и становится агрессивным. Однажды съел пачку «Лейс» со сметаной и лаял потом как собака три дня».

- Лай? - переспросил, не веря в прочитанное, у пустоты.
- Гуси не лают.

Я нашёл творог — лежал в миске, прикрытой марлей, в самом холодном месте холодильника. Высыпал его в тарелку, поставил на пол.

- Пётр, иди есть.

Но пернатый так и не пришёл. Гусь остался в спальне, на кровати, и оттуда доносилось ритмичное «хе-хе-хе» — то ли смех, то ли угроза.

Поэтому решил, что с птицей можно разобраться позже. Сейчас главное — разобраться с домом.

Я попытался растопить печь. Сложил дрова по инструкции из Rutube (ролик «Как разжечь дрова, если ты никогда не выезжал из Москвы»), чиркнул спичкой. Дрова не загорелись. Затем чиркнул второй, третьей, десятой. В какой-то

момент чиркнул бровью — показалось, что так будет эффективнее. Вместо огня пошёл дым. Едкий, чёрный, он заполнил комнату за три минуты. Я открыл все окна, закашлялся так, что Пётр пришёл посмотреть — вдруг уже можно клевать труп.

Гусь постоял в дверях, оценил масштаб катастрофы и ушёл. Но перед уходом оглянулся — и я даже готов был поклясться, что увидел на птичьей морде презрение.

Печь удалось разжечь только с третьей попытки, когда вспомнил, что в ролике говорилось про «лучину». Я налучил щепок, поджёг бересту (нашёл в печке, слава богу) и наконец-то добился того самого уютного потрескивания, которое так любят показывать в фильмах про Рождество. Правда, в фильмах никто не показывает, как потом вытирать сажу с лица и отмывать потолок от копоти.

За обедом — разогретыми пирогами с капустой (невероятно вкусными, невзирая на год заморозки) и стаканом молока из погреба — я уверенно строил планы.

«День первый: наладить быт, — записал у себя в заметках телефона. — День второй: разобраться с гусем. День третий: сходить на луг за щавелём, потому что бабушка просила. День четвёртый: не сдохнуть от скуки».

И даже не представлял, что гусь распланировал мои дни совершенно иначе.

Ночь прошла, на моё удивление, относительно спокойно. Мне пришлось спать в маленькой комнате за печкой — ба-

бушка всегда называла её «кухонькой», хотя готовить там было негде. Пётр остался в большой комнате, на бабушкиной кровати. Нас разделяла деревянная перегородка, но сквозь щели было видно, как пернатый периодически переворачивается на другой бок и вздыхает.

- Ты тоже человеком был? - спросил его в темноте.

Но закономерно гусь не ответил, лишь вздохнул громче.

Утром проснулся оттого, что что-то тянуло одеяло. Когда открыл глаза — в полумраке комнаты вырисовывался силуэт птицы, которая смотрела на меня с высоты своей гусиной головы и держала край одеяла в клюве.

- Отдай, - сказал грозно этому нахалу.

Гусь дёрнул головой и стащил одеяло на пол.

- Ты! - я сел на кровати. - Ты ревнуешь? Ты ревнуешь меня к одеялу? Это бабушкино одеяло? Так она же в Турции! Она не будет тут спать!

Гусь наступил лапой на упавшее одеяло, прижал его к полу и громко, отчётливо произнёс.

- Га.

Это было не кряканье. Это была команда.

Я встал, оделся (вчерашняя футболка, джинсы, носки — найденные в бабушкином комодe, шерстяные, с оленями) и пошёл кормить этого диктатора. Творог Пётр на этот раз попробовал. Один раз, а потом просто выплюнул и демонстративно вытер клюв о мои штаны.

- Ты серьёзно? - спросил у него с некой долей скептициз-

ма.

Гусь повернулся ко мне задом и вытянул шею в сторону холодильника.

«Этот гад хочет колбасы», - понял я, хоть и не сразу.

Колбасы в доме не было. Бабушка не ела колбасу после того случая в девяносто третьем, когда «в "Докторской" нашли бумагу». Пришлось порыться в шкафах, нашёл банку тушёнки (производство 2021 года, но бабушка её берегла для «экстренной ситуации») и открыл. Гусь понюхал, клюнул раз, другой — и отвернулся.

- Ты сноб, - сказал пернатому привереде.

Я насыпал в миску гречку (сухую, кто же знал, что её надо варить), налил воды и поставил перед Петром. Гусь посмотрел на это как на личное оскорбление, перевернул миску головой и ушёл в спальню.

Тогда то я и осознал, что проигрываю в этой войне.

Примерно в полдень позвонила мама. Голос у неё был усталый — она работала в бухгалтерии какой-то строительной фирмы и последние две недели считала налоги за тех, кто их платить не собирался.

- Как ты там, сынок?

- Гусь меня ненавидит, - честно ответил, без прикрас.

- Это пройдёт. Ты, главное, на луг за щавелем сходи. Бабушка очень просила. У неё там особое место, она его Петровским лугом называет. Говорит, там щавель сладкий, потому что гусь его удобряет. Я не вдавалась в подробности и

тебе не советую.

- Идти куда?

- За огороды, к ручью. Увидишь старую яблоню — поверни налево. Там тропинка. Не заблудишься. Только смотри, чтобы гусь за тобой не увязался. Он ревнивый.

Я посмотрел в сторону спальни. Из-за угла выглядывала гусиная голова. Бубенчик молчал, но глаза горели.

- Он уже увязался, - сказал в полный голос.

- Тогда держись. И если увидишь Ксюху — не знакомься. Тётя Таня в магазине сказала, что она сейчас свободна, а свободная Ксюха опаснее голодного гуся.

- Мам, мне тридцать лет.

- Вот именно. В таком возрасте уже можно и не знакомиться по совету мамы.

Мама отключила звонок, оставив меня наедине с гусем и щавелём.

Сборы были недолгими: нож (бабушкин, тупой, с деревянной ручкой), пакет (экологичный, с логотипом закрытого московского коворкинга, который разорился после ковида), телефон (на 30% заряда, для экстренных случаев). Я натянул резиновые сапоги, которые нашёл в сених. Сапоги были на два размера больше, скрипели при каждом шаге и пахли чем-то, напоминающим одновременно солянку и укроп. Поэтому бросил эту затею, и быстро сменил на привычные кроссы. А что, собственно, может здесь случиться?

- Сидеть, - строго сказал Петру.

Гусь, в свою очередь, притворился, что не расслышал.

Петровский луг оказался именно там, где говорила ма-тушка: за огородами, через ручей по шаткому мостику из двух досок, мимо старой яблони, которая уже не родила, но упрямо стояла, как ветеран на параде. Трава здесь была высокая — по колено, местами по пояс. Щавель рос крупный, сочный, с красноватыми прожилками на листьях. Я наклонился, сорвал один лист, попробовал. Кислый, но приятно — как лимонад в детстве, только без сахара.

Я начал срезать листья, складывая их в пакет. Комары набросились сразу, будто им заплатили за каждого укушенного москвича отдельно. Отмахивался, чертыхался и всё дальше уходил в траву, не замечая, как темнеет небо. Точнее, не темнеет — просто с севера напоззала туча, серая, тяжёлая, обещающая ливень.

А услышал шипение за секунду до того, как понял его источник.

Я медленно выпрямился. В десяти метрах от меня, выйдя из-за куста бузины, стоял Пётр. Гусь не бежал — он шёл. Важно, неспешно, как генерал на смотре войск перед решающим сражением. Шея вытянута, крылья чуть приподняты, лапы ступают по траве с лёгкостью, которая казалась неестественной для такой туши.

- Петя, - сказал голосом, которым разговаривают с террористами, захватившими заложников. - Хороший мальчик. Умный мальчик. Я тебя не трогаю. Я просто рву траву. Для

тебя, между прочим. Для тебя рву, понял? Это щавель. Ты любишь щавель. Да?

Гусь ускорился. А я попятился. И моя нога провалилась в ямку, резко дёрнулся, потерял равновесие, но устоял. Пакет со щавелем рефлекторно выставил перед собой как щит — наивный, смешной жест, который не остановил бы даже хомяка.

Пётр прыгнул.

Он прыгнул не по-птичьи — он взлетел на полметра, растопырив крылья, и направил свои оранжевые лапы прямо мне в грудь. Взмах крыльев был таким мощным, что трава пригнулась к земле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.